

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КНИГИ «МАЛЬЧИКИ» РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»: ОПЫТ СОВМЕЩЕНИЯ СТРУКТУРНО- СЕМИОТИЧЕСКОГО И ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОГО ПОДХОДОВ

Николай Сергеевич Артёмов

студент Вологодской духовной семинарии
160901, г. Вологда, ул. Монастырская, д. 2
NikArtLerm@yandex.ru

Для цитирования: Артёмов Н. С. Интерпретация книги «Мальчики» романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»: опыт совмещения структурно-семиотического и герменевтического подходов // Слово и образ. Вопросы изучения христианского литературного наследия. 2024. № 1 (10) С. 131–145. DOI: 10.31802/WI.2024.10.1.012

Аннотация

УДК 82.091 (27-29)

В статье в рамках семиотического подхода к литературе осуществляется попытка интерпретации десятой книги романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» «Мальчики». При помощи структурно-семиотического метода Ю. М. Лотмана, в котором как существенное свойство текста постулируется дискретность его семантики, обосновывается правомерность рассмотрения отдельно взятого, «завершенного» в смысловом отношении фрагмента целостного произведения с целью его герменевтического прочтения. Привлекая при этом типологию понимания Г. И. Богина, нами осуществляется попытка интерпретации книги «Мальчики» в аспектах её композиционного и архитектурного места в структуре целостного романа. Благодаря избранным теоретико-методологическим координатам автор статьи приходит к следующим выводам. Во-первых, подобный способ освоения содержания текста существенно облегчает его понимание,

поскольку основное внимание направлено не на роман целиком, а на конкретный его сегмент. Во-вторых, книга «Мальчики» в смысловом отношении отражает архитектурно-идейную организацию всего произведения. Наши теоретико-методологические координаты позволили выявить теоцентрические интенции, встраивающие анализируемую часть текста в поэтику всего романа «Братья Карамазовы».

Ключевые слова: Семиотика, дискретность, герменевтика, интерпретация, теоцентричность смысла.

Interpretation of the Book «Boys» from F. M. Dostoevsky's Novel «The Karamazov Brothers»: An Experience of Combining Structural Semiotic and Hermeneutic Approaches

Nikolai Sergeevich Artyomov

student of the Vologda Theological Seminary

160901, Vologda, Monastyrskaya St., 2.

NikArtLerm@yandex.ru

For citation: Artyomov, Nikolai S. "Interpretation of the Book 'Boys' from F. M. Dostoevsky's Novel 'The Karamazov Brothers': An Experience of Combining Structural Semiotic and Hermeneutic Approaches". *Word and Image: Questions of Studying the Christian Literary Heritage*, № 1 (10), 2024, pp. 131–145 (in Russian). DOI: 10.31802/WI.2024.10.1.012

Abstract. In the article, within the framework of a semiotic approach to literature, an attempt to interpret the tenth book «Boys» of F. M. Dostoevsky's novel «The Karamazov Brothers» is made. With the help of Yu. Lotman's structural semiotic method, in which the discreteness of a text's semantics is postulated as its essential property, the validity of considering a single, «completed» fragment of an integral work in a semantic sense for the purpose of its hermeneutic reading is justified. While involving G. Bogin's typology of understanding, we are trying to interpret the book «Boys» in terms of its compositional and architectonic place in the structure of the integral novel. Due to the selected theoretical and methodological coordinates, the author of this article comes to the following conclusions. First, such a way of studying the text's content makes it much easier to understand, since the main focus is not on the novel as a whole, but on a specific segment of it. Secondly, the book «Boys» in a semantic sense reflects the architectonic (ideological) organization of the entire work. Our theoretical and methodological coordinates allowed us to identify the theocentric intentions that embed the analyzed part of the text into the poetics of the entire novel «The Karamazov Brothers».

Keywords: semiotics, discreteness, hermeneutics, interpretation, theocentricity of meaning.

Введение

Анализ отдельно взятого и законченного фрагмента целостного художественного произведения — это один из способов упрощения рефлексии над текстом. По замечанию Г. И. Богина, основателя Тверской герменевтической школы, существует некий лимит дискурсивного понимания художественного произведения, то есть собственно интерпретации¹. Говоря иначе, познавательные способности человека ограничены, внимание не может быть постоянно поддерживаемо на протяжении всего чтения. Действительно, не каждый современный читатель способен «за один подход» освоить содержание, к примеру, всего романа «Война и мир» Л. Н. Толстого, тем более придерживаться при его прочтении определенной позиции интерпретатора и не погрузиться в область интуитивного прочтения, которое, однако, является базовым, основным и, конечно, нормальным.

В рамках семиотических и, как более частных, герменевтических исследований мы имеем возможность рассматривать в качестве отдельного и в некотором смысле (не в рамках общего контекста) завершенного текста отдельные смысловые, внешне композиционно обособленные самим автором фрагменты — главы, части, «книги», действия в драматических произведениях и тд. Это позволительно в том отношении, что художественный текст, в конечном счете, представляет собой некоторое семиотическое единство, то есть концентрат информации — смыслов.

Литературный текст дискретен² априори: самое деление на предложения — это уже способ порционной, сегментарной подачи семантики, а значит, в случае попытки интерпретации крупного художественного литературного произведения, например романа, имеет смысл обратить особенное внимание на его внешнюю, структурную, композиционную организацию, чтобы попытаться подойти к тем или иным составляющим (главам, эпизодам) как отдельным текстам. Именно исходя из такой методологической предпосылки, мы и предлагаем данный опыт

- 1 «Очевидно, ограниченность человеческой памяти ставит некоторые пределы целому тексту как протяженности... понимание ориентировано поэтому на понимание некоторой дроби текста, а не текста неопределенной протяженности... Сказанное не означает, что конец дроби есть абсолютный предел развития смысла или группы смыслов». См.: *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009. С. 141.
- 2 *Лотман Ю. М.* Внутри мыслящих миров. СПб: Азбука, 2016. С. 78.

герменевтического прочтения десятой книги романа «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского «Мальчики».

Статья имеет следующую структуру: в первой части оговариваются подробно методологические установки исследования; во второй части определяется композиционное и архитектурное место и значение выбранной для анализа книги в целостной структуре всего произведения; наконец, в третьей части осуществляется попытка герменевтического прочтения книги «Мальчики» романа «Братья Карамазовы».

1. Методология исследования: семиотика и герменевтика

В статье автор преимущественно опирается на структурно-семиотический подход к художественным текстам Ю. М. Лотмана с особым выделением в его концепции апории «понимание–непонимание», в связи с чем в границы семиотики органично вводятся элементы филологической герменевтики, которая составляет основу для осуществления процесса интерпретации текста. В аспекте герменевтическом автор опирается на трехуровневую типологию понимания, предложенную Г. И. Богинным.

Как известно, основной принцип семиотики заключается в следующем: если человек существует в границах семиосферы как исторически сложившейся формы его бытия, наравне с биосферой³, то сам феномен языка — это поистине основная научная проблема. Любая сфера знания, в конечном итоге, опирается на свою знаковую систему, составляющую свой язык. Но в свете взаимодействия двух человеческих субъективностей ключевую значимость получает частная проблема — проблема передачи информации (кодирования) и её рецепции («перевода», «дешифровки» — в рамках семиотической терминологии⁴; «понимания» — в границах герменевтики).

Итак, согласно Ю. М. Лотману, всё, что свой модус существования реализует через сохранение, кодирование и передачу информации (то есть определенного смысла) посредством знаков и символов, мы можем определить как язык (при условии широкого понимания данного термина⁵).

3 Там же. С. 188.

4 Там же. С. 195.

5 «Всякая система, служащая целям коммуникации между двумя или многими индивидами, может быть определена как язык». См.: Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2023. С. 15.

Особенно это касается области искусства — «вторичной моделирующей системы»⁶: «Искусство — особое средство коммуникации, особым образом организованный язык... произведения искусства — то есть сообщения на этом языке — можно рассматривать в качестве текстов»⁷.

Семиотический подход, безусловно, в полной мере реализуется при рассмотрении текстов художественной литературы. Текст понимается как «целостный знак»⁸ — завершённый и самодостаточный семантический, трансцендентный объект, вступающий в отношения с человеческой субъективностью, авторской и читательской, за счёт чего текст реализует своё подлинно художественное бытие — бытие продуцирования и наращивания смыслов. В данном вопросе — о множественности возможных интерпретаций некоторого словесного эстетического единства — семиотика вступает в тесное взаимодействие с герменевтикой. Действительно, Ю. М. Лотман большую роль отводил значимости рефлексивного процесса понимания текста, а критерием собственно художественности текста для него была, выражаясь термином герменевтическим, «интерсубъективность»⁹ понимания: «Текст, допускающий ограниченное число истолкований, приближается к нехудожественному и утрачивает специфическую художественную долговечность»¹⁰.

Теперь мы перейдем к рассмотрению трехуровневой типологии Г. И. Богина. Саму филологическую герменевтику Богин определял следующим образом: филологическая герменевтика — это вспомогательная «научная дисциплина, изучающая процессы понимания текста»¹¹. Мы бы предложили термин «инструментарий». Ключевым в герменевтике является изучение сущности процесса понимания, который занимает центральное место во всех «системомыслятельных»¹² процессах человеческого сознания.

При работе с текстом Богин предлагал следующую трехуровневую лингвистическую типологию понимания.

1 уровень — семантизирующий, который подразумевает «“декодирование” единиц текста, выступающих в знаковой функции»¹³. Говоря

6 Там же. С. 19.

7 Там же. С. 13.

8 Там же. С. 40.

9 *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. С. 6.

10 *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. С. 119.

11 *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. С. 6.

12 Там же. С. 49.

13 Там же. С. 90.

иначе, при этом понимании интерпретатор опирается на мельчайшую целостную семантическую единицу — слово.

2 уровень — когнитивный. Интерпретатор взаимодействует с более крупными смысловыми образованиями. Данный тип понимания возникает «при преодолении трудностей в освоении содержательности познавательной информации, данной в форме тех же самых единиц текста, с которыми сталкивается семантизирующее понимание»¹⁴. Форма знания на когнитивном уровне — понятие¹⁵. Оно «подключает» исследователя к некоторому пласту культуры: «Освоение объектно-реальностных ситуаций в когнитивном понимании — момент освоения культуры (всех содержаний, хранящихся в накопленном человечеством состоянии, где особую роль играют знания). Когнитивное понимание текста как раз и фокусируется на культуре»¹⁶. То есть задача данного типа понимания — поиск коррелята для оформления понятия, закрепляющего некоторый объем семантики фрагмента текста.

3 уровень — распредмечивающий, или феноменологический. Данное понимание построено на «распредмечивании идеальных реальностей, презентуемых помимо средств прямой номинации, но опредмеченных всё же именно в средствах текста»¹⁷. Именно на этом уровне осуществляется непосредственная работа со смыслом, непосредственная интерпретация, которую Богин именуется способностью реципиента составить «другой текст»¹⁸, то есть оформленную, знаковую рефлексию над изначально данным произведением. Именно феноменологический уровень понимания является основным при взаимодействии с текстом художественным, хотя Богин и утверждает, что интерпретатор при желании может попытаться обратиться все три уровня¹⁹ на любой текст, как художественный так и нехудожественный, но всё-таки, по мысли исследователя, существует определенная дифференциация самих текстов: «тексты приспособлены каждый к преобладанию какого-то одного из трех типов понимания»²⁰.

Существенным является и то, какое внимание и в семиотике, и в герменевтике уделяется вопросу мировоззрения как автора, так и читателя.

14 Там же.

15 Там же. С. 96.

16 Там же. С. 117.

17 Там же. С. 96.

18 *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. С. 86.

19 Важно отметить и то, что эти уровни вместе не составляют иерархической, восходящей системы.

20 *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. С. 132.

Нам этот аспект представляется основным, так как в нём заключается предельное указание на антропоцентричность как естественного языка вообще, так и языка искусства (вторичной моделирующей системы): художественный текст как реализация языка есть вместе и реализация субъективности человеческого духа. Богин и Лотман, отдельные работы которых в силу обстоятельств исторической эпохи пронизаны интенциями диалектического материализма²¹, всё-таки не могли обойти стороной факта субъективности понимания, причина чему — в невозможности унифицировать индивидуальный, глубоко интимный опыт контакта с эстетикой — опыт переживания.

Человек неминуемо смотрит на мир, на искусство сквозь определенную призму мировоззрения, и сам текст, будучи, по определению М. М. Бахтина, «непосредственной действительностью (действительностью мысли и переживаний)»²², допускает «стремление соотнести эстетические модели с этическими, философскими, политическими, религиозными», при чем это стремление «органически вытекает из самой общественной роли искусства»²³.

Из этого, в конечном счете, следует, что материалистическими представлениями как о природе человека, так и искусства в целом область науки о слове не может ограничиваться. Для семиотики, герменевтики и других филологических дисциплин, как представляется автору статьи, всё ещё остается нерешенным до конца вопрос о сущности авторской и интерпретаторской позиции при создании и рецепции текстов. В силу идеологических табу, имевших место в XX в., подробное освещение данной проблематики просто не могло осуществиться, однако в настоящее время подробному рассмотрению надлежит подвергнуть самую предельную и, если так можно выразиться, строгую мировоззренческую установку — религиозную. Её природа нам представляется качественно иной, чем философская или научная, в силу трансцендентности и трансцендентальности Самого объекта веры, находящегося в положении объективного существования независимо от человеческого

- 21 К примеру, Георгий Исаевич даже в некоем ироническом ключе рассуждает о теоретических построениях западных герменевтов: «Материалистическая герменевтика, естественно, свободна от мистических, в духе пифагорейского философствования, представлений о том, что текстовая форма есть «трансцендентное инобытие» недоступных сущностей». См.: *Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. С. 62.*
- 22 *Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М.: «Художественная литература», 1986. С. 473.*
- 23 *Лотман Ю. М. Структура художественного текста. С. 118.*

«я» — Бога. В настоящей статье, именно через призму поиска определенных теологических семантических данностей, то есть смыслов, наличие которых в тексте обусловлено религиозностью (в нашем случае «православностью» самого автора, но ею не исчерпываемой), и осуществляется опыт прочтения специально отобранного, в нарративном аспекте самодостаточного фрагмента романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы» «Мальчики».

2. Композиционное и архитектурное положение книги «Мальчики» в структуре романа «Братья Карамазовы»

Именно о нарративе «детском» в романе «Братья Карамазовы» практически невозможно найти никаких замечаний у исследователей-достоеведов. К примеру, в православном литературоведческом наследии мы можем найти некоторые замечания у М. М. Дунаева, которые ограничиваются буквально несколькими абзацами текста²⁴. В целом же сюжетная линия Коли Красоткина и Илюши Снигирева как бы опускается, заслоняется акцентом на повествовании о семье Карамазовых. Меж тем, несомненно, для самого Достоевского книга «Мальчики» имеет важное смыслообразующее значение в архитектонике романа. Более того, известно о замысле целого романа «Дети», который должен был стать сюжетным продолжением «Братьев Карамазовых», а о сцене похорон Илюши сам Достоевский в письме к Н. Любимову от 29 апреля 1880 года писал, что в ней «отчасти отразился смысл всего романа»²⁵.

С точки зрения внешней композиции существенно, что именно этой, десятой книге в составе романа отведено положение между переломом в судьбе Мити Карамазова, которого в последней главе предшествующей книги арестовывают, и в жизненном пути Ивана, которому в свою очередь будет посвящена следующая книга. Итак, по сути, в основную сюжетную линию — «карамазовскую» — встраивается ещё одна, идущая параллельно и имеющая не менее драматическое содержание.

24 Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 5-ти частях. Ч. III. М.: Христианская литература, 1997. С. 516.

25 Достоевский Ф. М. Письмо Н.А. Любимову. 13 апрел 1880. Петербург // Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 Т. Письма 1878–1881. Т. 30, кн. 1. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1988. С. 151.

Связующим звеном, способным переступить через границы двух предельно различных семиотических пространств²⁶ является Алёша Карамазов. Именно этот персонаж становится своего рода медиумом, который связывает повествовательные нити.

Так, совершенно не случайно, что именно младший Карамазов, во-первых, сплачивает бывших обидчиков вокруг болящего Илюши, во-вторых, делает это, уже не будучи устремленным к тихой монастырской жизни, но не оставив при этом и Бога, в-третьих, именно Алёша становится тем фактором, что изменяет судьбу ещё одного значимого действующего лица — Коли Красоткина, являющегося главным героем книги «Мальчики» как отдельно взятого текста.

Разрывая хромотопическую организацию нарративной ткани основного сюжета через включение в неё ещё одной линии, Достоевский стремится ввести и важную антитетическую составляющую (противопоставление мира детей и взрослых) в структуру целостного текста, при этом, повторимся, сохраняя в фокусе повествования фигуру Алёши Карамазова.

С точки зрения архитектоники, то есть композиции идеи, мы можем предложить следующие первичные наблюдения, позволяющие определить значение книги «Мальчики».

Важное место отводится мотиву смерти. В основной сюжетной линии уже почил старец Зосима, убит Фёдор Карамазов, однако и в «детском» хронотопе смерть неминуемо приближается к Илюше, и, хотя она и выходит за границы собственно десятой книги, диагноз, поставленный мальчику доктором, уже удостоверяет в её неизбежности.

Интересно и то, что практически весь инвариантный набор тем, который Ф. М. Достоевский раскрывал от произведения к произведению и квинтэссенцией чего является роман «Братья Карамазовы», присутствует и в пространстве «Мальчиков» как обособленного текста, то есть проблематика (политическая, социальная и религиозная) буквально дублируется. Более того, многие вопросы, поставленные в романе ранее, разрешаются на примере Коли Красоткина намного проще и раньше, чем это произойдет во внутренней страшной борьбе Ивана Карамазова.

Таким образом, в аспекте композиции мы можем заключить, что «Мальчики» занимают срединное место в организации внешней структуры всего романа. С идейной (архитектонической) точки зрения «Мальчики», если можно так выразиться, — это своеобразный «роман» в романе.

26 «Подвижный персонаж — лицо, имеющее право на пересечение границы». См.: Лотман Ю. М. Структура художественного текста. С. 379.

3. Интерпретация книги «Мальчики» романа «Братья Карамазовы»

Как уже было отмечено, в основу герменевтического прочтения выбранного текста в рамках данной статьи положена трехуровневая модель понимания Г. И. Богина. Автор настоящей работы постарался применить все три уровня предложенной типологии, в соответствии с ней оформлены и результаты исследования.

1) На семантизирующем уровне понимания внимание было обращено на изменившийся «тон» подбора лексики. Важно, что Достоевский использует совершенно иной сказ в описании детской культуры, отличной от взрослой, «карамазовской», полной разврата и непотребства. К примеру, повествователь применяет уменьшительно-ласкательную лексику, чтобы, вероятно, обособить мир детей, мир комнатки Илюши от всего остального пространства романа. Так, Жучка, или Перезвон, — пёс, которого приводит Коля Красоткин к Илюше, «замер неподвижно всеми четырьмя своими лапками»²⁷ (курсив наш); Илюша «протянулся на постельке»²⁸; Коля принёс игрушечную «пушечку»²⁹ и т. д.

Примечательно употребление особой нелитературной лексики, имеющей сленговый характер и относящейся к культуре детей и подростков. К примеру, Коля именует детей докторши, за которыми он был вынужден присматривать, «пузырями»³⁰, а слово «старик»³¹ в контексте дружеских отношений он прилагает к болящему Илюше. Самые поступки действующих лиц повествователем определяются как «шалости»³².

Более существенных особенностей на семантизирующем уровне при освоении текста не было выделено. Но и имеющегося материала достаточно для перехода на следующий уровень типологии.

2) На когнитивном уровне с опорой на выделенные лексические особенности можно сделать предположение, что автором было задумано моделирование ситуации внутритекстовой оппозиции через понятие «взросление», с одной стороны, и «взрослость» — с другой, причем

27 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Роман «Братья Карамазовы». Т. 14. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1976. С. 492.

28 Там же.

29 Там же.

30 Там же. С. 469.

31 Там же. С. 488.

32 Там же. С. 463.

она (данная оппозиция), разумеется, выходит за границы книги «Мальчики», распространяясь на весь роман.

Действительно, в книге предельно обозначаются, персонифицируются обе категории. Так, для «взросления», несомненно, коррелятом будет персонаж Илюша, со всей его болезненностью, устремленностью к фигуре Красоткина, детской наивностью, чувствительностью, горячностью, но одновременно вовсе не детским, обостренным до предела благородным чувством заступничества за отца. Примечательна также вовсе не детская интерпретация событию беды, постигшей мальчика, которую Илюша даёт сам: «Это оттого я болен, папа, что я Жучку тогда убил, это меня Бог наказал»³³ — в сознании ребенка Достоевским подмечается именно религиозное осмысление беды, являющейся не случайной.

Понятию «взросление» также соответствует Коля Красоткин. Он, подросток тринадцати лет, сочетает в себе множество противоречий, из которых старается строить цельное, «взрослое» мировоззрение. С одной стороны, он дает клятву матери «на коленях пред образом»³⁴, что более не повторится никаких «шалостей», а с другой, при первой же беседе с Алёшей Коля использует классические сентенции Вольтера, философов Просвещения вообще: «Конечно, Бог есть только гипотеза... но... я признаю, что Он нужен, для порядка... для мирового порядка и так далее... и если б Его не было, то надо бы Его выдумать»³⁵.

Выражаясь термином Г. И. Богина, о «языковой личности»³⁶ Коли Красоткина читатель может сделать определенные выводы. Для когнитивного понимания это имеет большое значение: интерпретатор стремится соотнести персонаж с конкретным пластом культуры. Коля себя идентифицирует как социалиста, при том что знаком он был лишь с одним номером «Колокола»³⁷ и с одним сочинением Вольтера³⁸, остальные же сведения о проблематике социализма и атеизма он почерпнул из общения с Ракитиным. При этом Красоткин, хотя упоминает о Татьяне Лариной и об Онегине (впрочем, в контексте сочинений Белинского, с которыми он не ознакомлен), но сам не читал «Евгения Онегина»³⁹. Зная, как высоко ценил сам Фёдор Михайлович и самого Пушкина, и его

33 Там же. С. 482.

34 Там же. С. 465.

35 Там же. С. 499.

36 *Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь, 2009. С. 5.

37 *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. С. 501.

38 Там же. С. 500.

39 Там же. С. 501.

роман в стихах⁴⁰, а также беря во внимание всю предыдущую информацию о герое, интерпретатор может заключить, что «языковая личность» Коли Красоткина, как и подобает неопределившемуся в жизни мальчику тринадцати лет, никак не оформлена, имеет расплывчатые и самые поверхностные представления о тех или иных предметах, о которых Коля, впрочем, старается говорить свободно. Наконец, Алёша Карамазов сентенциозно, приводя мнение одного немца, писавшего о русских школьниках, даёт точную характеристику детям, подобным Коле и ему самому, в частности: «Никаких знаний и беззаветное самомнение»⁴¹. Достаточно и того, что Коля не смог распознать слова 136 псалма: «Аще забуду тебе, Иерусалиме...», произнесенные в исступлении отцом Илюши⁴².

Наконец, к понятию «взрослость» в тексте книги «Мальчики» можно отнести Алёшу Карамазова, который именно в ней предстает в ином виде: Алёша сменил подрясник на аккуратный костюм. Как замечает повествователь, «это очень его скрасило, и смотрел он совсем красавчиком»⁴³. Внешние изменения становятся проявлением и внутренней перемены, взросления и укрепления. В предыдущих книгах Алёша именуется «на всю жизнь борцом»⁴⁴ — данная характеристика продолжает раскрываться по-новому и в общении с детьми.

3) На феноменологическом уровне было отмечено, что мотивом, рефреном проходящим на протяжении всей книги «Мальчики», является мотив плача, слёз. Так, мать Коли обливалась «истерическими слезами»⁴⁵, переживая за сына; восклицания «пузырей»: «Заплачем, непременно заплачем!»⁴⁶ указывают на естественность плача для детей;

40 Для Достоевского, как и для Гоголя, фигура Пушкина стала своеобразной предельной для XIX в. манифестацией подлинно русского духа, чья самоидентичность укоренена во «всечеловечности» и, главное, евангельском типе мышления, посредством которого действительность освящается и преображается через внесение в неё религиозной, духовной координаты: «Я говорю лишь о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, из всех народов наиболее предназначено, вижу следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина. Пусть наша земля нищая, но эту нищую землю "в рабском виде исходил благословляя" Христос». См.: *Достоевский Ф. М. Пушкин (очерк)*// Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Дневник писателя 1877 сентябрь-декабрь, 1880 август. Т. 26. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1984. С. 148.

41 *Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы*. С. 502.

42 Там же. С. 507.

43 Там же. С. 478.

44 Там же. С. 328.

45 Там же. С. 463.

46 Там же. С. 470.

«больной, в слезах»⁴⁷ Илюша бьется на постели, переживая за замученную им Жучку. Наконец, в финале книги и сам Красоткин заливается слезами, хотя до этого повествователь делал явный акцент на том, что Коля всеми силами старается сдерживать плач⁴⁸.

Для книги «Мальчики» вообще характерен тот же надрыв во взаимоотношениях персонажей, что и для всей прозы Достоевского — мир детства не может быть исключен из состояния тоски, «замученности» и страданий. В этом проявляется тождество, единство поэтики всего романа «Братья Карамазовы».

Но относительно десятой книги мы получаем приблизительно следующий смысл, точнее «горизонт» смыслов⁴⁹. 1) Плач — это естественно для ребенка: плач — это природное средство коммуникации, возможность «выразить невыразимое». Коля Красоткин, попытавшись стать «взрослее» через восприятие идей, которые ему не по летам, всеми силами старается преодолеть чувствительность, преодолеть естественно для ребенка, что ему не удастся. 2) И чем более нарастает ощущение надрывности в повествовании в связи с приближением смерти ребенка (вспомним беседу Алёши и Ивана в трактире о детских страданиях) — Илюши, тем более оказываются несостоятельны «социалистические» убеждения Красоткина. 3) Адекватно выразить страдания человеческие способны лишь библейские слова: «Аще забуду тебе, Иерусалиме»⁵⁰, произносимые исступленным штабс-капитаном Снигиревым. Алёша Карамазов даёт объяснение, толкование этим словам, которые не смог узнать Красоткин: «Это из Библии: «Аще забуду тебе, Иерусалиме», то есть если забуду всё, что есть самого у меня драгоценного, если променяю на что, то да поразит...»⁵¹

Итак, Достоевский выводит область переживаний действующих лиц на метафизический уровень Священной Истории, и интерпретатор сталкивается с явным теологическим смыслом, возводящим его к метаистории через поэтическое повествование 136 псалма об утрате еврейским народом своего отечества. И смысл обретает иную грань, чисто языковую: в человеческом страдании слова Священного Писания выступают как метаязык, в котором соотносятся две ситуации, объединяющиеся единым — глубиной переживаний. Ровно также (через

47 Там же. 507.

48 Там же. 507.

49 Богин Г. И. Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. С. 6.

50 Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. С. 507.

51 Там же. С. 508.

религиозность смысла) Алёша Карамазов осмысляет то состояние, в котором находится подрастающее поколение Коли Красоткина: «Нынче даже почти дети начали уж этим страдать. Это почти сумасшествие. В это самолюбие воплотился черт и залез во всё поколение, именно черт»⁵². Безусловно, Алёша констатирует «демоничность» природы «искажения» детского, естественного и чистого восприятия действительности, обнаруженного у Коли Красоткина, который, впрочем, в этом состоянии не утвердился.

Таким образом, в статье была осуществлена попытка органичного сочетания семиотического и чисто герменевтического подходов к тексту литературного произведения. Опыт не имманентного, а дискретного восприятия текста, то есть представления об отдельном его фрагменте как о некотором художественном единстве, позволяет углубленно рассмотреть те детали поэтики, что могут ускользать, когда интерпретатор стремится составить полноценную, имманентную интерпретацию столь крупному роману, как «Братья Карамазовы».

При помощи трехуровневой типологии понимания, предложенной Г. И. Богиным, мы смогли последовательно подступить к трагедии религиозного, экзистенциального уровня, к которой Ф. М. Достоевский подводит персонажей, а также читателя-реципиента, не выводя, однако, до финала книги «Мальчики» явных теоцентрических смыслов, кроме беседы Коли и Алёши о бытии Бога. Но в момент наивысшего напряжения именно через теоцентричность распредмечивающегося смысла десятая книга романа «Братья Карамазовы» во всей своей художественной организации органично «встраивается» в поэтику всего произведения, которое целиком и полностью посвящено, в конечном счете, одному: Богу и тому, какими путями человеческие души достигают Его.

Источники

- Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы // Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 Т. Роман «Братья Карамазовы». Т. 14. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1976.
- Достоевский Ф. М.* Пушкин (очерк) // Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 Т. Дневник писателя 1877 сентябрь-декабрь, 1880 август. Т. 26. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1984. С. 136–149.
- Достоевский Ф. М.* Письмо Н. А. Любимову. 13 апрел 1880. Петербург // Достоевский, Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 Т. Письма 1878–1881. Т. 30, кн. 1. Ленинград: Наука: Ленинградское отделение, 1988. С. 151–152.

Литература

- Бахтин М. М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа. // Бахтин. М. М. Литературно-критические статьи. М.: «Художественная литература», 1986. С. 473–501.
- Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 1. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009.
- Богин Г. И.* Обретение способности понимать: работы разных лет. Т. 2. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2009.
- Дунаев М. М.* Православие и русская литература. В 5-ти частях. Ч. III. М.: Христианская литература, 1997.
- Лотман, Ю. М.* Внутри мыслящих миров. СПб: Азбука, 2016.
- Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М.: Эксмо, 2023.